Pd 20/1160

AN OPEN LETTER TO ALEXANDER III

by

M. Czebrikova.

Выпускъ 15-ый. — Цѣна 4 пен. (40 сант., 8 цент)

P 20/1160

ПИСЬМО
Императору
АЛЕКСАНДРУ III

М. Цебриковой.

Съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану.

1603

1894.

PUBLISHED BY THE RUSSIAN FREE PRESS FUND.

LONDON.

(*All rights reserved.*)

1-ая тысяча

Изданія **ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ въ ЛОНДОНѢ**, а равно и другія запрещенныя для ввоза въ Россію книги, поименованныя въ каталогахъ Фонда, можно получать лично и по почтѣ въ книжныхъ складахъ послѣдняго: **G. Lazareff, 15, Augustus Rd., Hammersmith, W. London** (9 — 1 ч. ежедневно).

Изданія Фонда находятся также на коммиссіи у слѣдующихъ книгопродавцевъ и частныхъ лицъ:

ENGLAND.

London. — 1) Messrs. Asher & Co., 13, Bedford Str., Covent Garden. 2) D. Natt, 270, Strand. 3) A. Siegle, 30, Lime Street, E. C.

Leeds. — Mr. Rothstein, 87, Byron Str.

Cardiff. — W. Lewis, Bookseller, Duke Street.

AMERICA.

New-York. —Russian Bookstore, 20, Jefferson Street.

„ M. Maisel, 166, Henry Street.

Boston (Mass).—Konnikov, 361, Harrison Avenue.

BELGIQUE.

Bruxelles. — Istace & Kats, 5, Passage du Prince.

България

Варна — Книжарница на В Божиловъ

Казанлыкъ. — Книжарница на Пенковъ.

София. — Книжарница на Т. Чипевъ.

(см. 3-ью стр. обложки.)

2007050665

М. К. Цебрикова.

AN OPEN LETTER TO ALEXANDER III

by

M. Czebrikova.

Выпускъ 15-ый. — Цѣна 4 коп. (40 сант., 8 цент)

R 20
1160

ПИСЬМО
Императору
АЛЕКСАНДРУ III

М. Цебриковой.

Съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану.

1894.

PUBLISHED BY THE RUSSIAN FREE PRESS FUND.
LONDON.

(*All rights reserved.*)

1-ая тысяча

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
115595-Н

ЛОНДОНСКІЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся

за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣетъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 56, Rylett Crescent, Shepherd's Bush, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

Е. Лазаревъ (*E. Lazareff, 56, Rylett Crescent, Shepherd's Bush, London, W.*).

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 45, Woodstock Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko*, — адресъ лондонскаго склада).

Письма и деньги для главнаго склада адресовать:
E. Lazareff, 15, Augustus Rd., Hammersmith, London, W.

Въ Складѣ Фонда В. Р. П. находятся между прочими слѣдующія книги: —

Герценъ. Былое и думы. 1861, Т. 1, 2 по 8 ш. (10 фр.); Т. 3 по 6 ш. (7,50).

— **Колоколъ.** *№№* 1—155, ц. 200 ш. (250,00).

—За пять лѣтъ (55—60). Статьи изъ Колокола. 1861, ц. 6 ш. (7,50).

—Крещен. собственность. 1858, ц. 2 ш. (2,50).

—Письма изъ Франціи и Италіи. 1858, ц. 8ш.(10,00).

—Прерванные разсказы. 1857, ц. 5 ш. (6,25).

—Русскій народъ и соціализмъ. 1858, ц. 2 ш. (2,50).

—Съ того берега. 1858, ц. 6 ш. (7,50).

—Тюрьма и ссылка. 1858, ц. 5 ш. (6,25).

—Франція или Англія? 1858, ц. 1 ш. 6 п. (2,00).

—14-ое Декабря 1825 г. и Императоръ Николай.

—Собраніе Сочиненій. 11 Том. ц. 40 ш. (50,25).

Горе русской земли. 1893, ц. 4 п. (0,40).

Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Томъ I, ц. 1 ш. 6 п. (2,00); Томъ II ц. 2 ш. 6 п. (3,00).

—Послѣднее заявленіе русск. либераловъ. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).

Трубецкой, Н. Муравьевъ, Лунинъ, Пущинъ. Записк декабристовъ. Изд. Герцена. 1863, ц. 4 ш. (5,00).

Цебрикова. Каторга и ссылка. 1891, ц. 10 п. (1,00).

Чернышевскій. Научились-ли? 1879, ц. 5 п. (0,50).

—Объ общин. владѣніи землею. 1879, ц.4 ш. (5,00).

—Прологъ пролога. ц. 3 ш. (3,75 ф.).

Щедринъ. Какъ высѣкли д. с. совѣтника. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

—Орелъ-Меценатъ. 1890, ц. 7 п. (0,75).

—Три сказки. 1890, ц. 10 п. (1,00).

Якушкинъ. Записки Декабристовъ. Изд. Герцена 1862, 2 ш. 6 п. (3,00).

Выписывающіе книги изъ складовъ по почтѣ прилагаютъ на пересылку по 1 пенни на каждый шиллингъ (10 сант. на франкъ) стоимости.

Желающихъ получить полный каталогъ просятъ высылать 1-пенсовую или соотвѣтствующую марку (10 сант., 2 цента).

ИЗДАНІЯ ФОНДА.

1-ый выпускъ.—«Чего намъ нужно» и «Начало конца». **С. Степняка.** Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант., 10 центовъ).

2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 5000 экз. Цѣна 2 п. (25 сант., 10 ц.)

3-ій выпускъ— Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант., 20 цент.)

4-ый выпускъ — «П. К. Домбровскій, членъ 'Пролетаріата'». (Революціонеръ-самоучка.) Біографическій очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант., 10 центовъ).

5-ый выпускъ —«Чудная». Очеркъ. **В. Короленко.** 5000) экз. Цѣна 1 пен. (10 сант., 5 центовъ).

6-ой вып. —«Подпольная Россія». **С. Степняка.** 4000 экз. Цѣна 2 ш. (2.50 фр.)

Тоже. — Съ портретами и въ переплетѣ. 1000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр., 75 центовъ).

7-ой выпускъ—«Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант., 6 центовъ).

8-ой вып.—«Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 5000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант., 8 центовъ).

9-ый выпускъ—«Кто чѣмъ живетъ». **С. Дик. штейна.** Народное изданіе.5000 экз. Цѣна 3 п (30 сант., 6 центовъ). Съ портретомъ автора.

10-ый вып. — «Азбука Соціальныхъ Наукъ» Грекo-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. **П. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1.60 фр., 30 цент.).

11-ый выпускъ. — Тоже. XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи. 5000 экз. Цѣна 1 п. (1.25 фр., 25 центовъ).

12-ый выпускъ. — Тоже. XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи. 5000 экз. Цѣна 2 п. (2.50 фр., 50 центовъ).

13-ый вып.—«Зарницы». Драматическія сцены. **П. Старикова.** 5000 экз. Цѣна 3 пен. (30 сант., 6 центовъ).

14-ый выпускъ. — «Воспоминанія о Чернышевскомъ. **В. Короленко.** 4,000 экз. Цѣна 6 п. (60 сант.; 12 цент.).

15-ый выпускъ. — «Письмо Императору Александру III.» **М. Цебриковой** (съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану). 2,000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 8 цент.).

—

Листки Фонда В. Р. П. — Вышло 12 №№ и Приложеніе къ № 11, «Проектъ Русской Конституціи».

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ этого открытаго письма къ Императору, извѣстная писательница Марія Константиновна Цебрикова, напечатала его за границею безъ цензуры въ началѣ 1890 г., и разослала по всей Россіи по почтѣ, а сама затѣмъ вернулась на родину, прекрасно зная, что ее ожидаетъ. И она не ошиблась: письмо было прочтено монархомъ, «любящимъ правду паче всего», и на поляхъ собственноручно начертано: «А ей то какое до всего этого дѣло?» . . . Цебрикова была сослана въ Вологодскую губернію безъ срока.

Изъ прилагаемаго къ этому 3-му изд. документа собственаго письма ея къ Дж. Кеннану, написаннаго какъ разъ послѣ совершенія этого «преступленія», ясно видно, что подвигнуло ее на этотъ смѣлый и полный гражданскаго мужества поступокъ. Изъ смысла его можно заключить, что въ основѣ всего этого дѣла лежало то глубоко вѣрное убѣжденіе автора, что разъ въ странѣ существуетъ политически-зрѣлое общественное мнѣніе, его неотъемлемое право, его священная обязанность и естественное назначеніе состоятъ въ томъ, чтобы во всѣхъ важныхъ вопросахъ народной жизни открыто выражать политическія желанія и требованія страны передъ верховной властью, и тѣмъ самымъ—руководить ею; тамъ же, гдѣ такого общественнаго мнѣнія или не существуетъ, или оно по малодушію людей прячется за софизмы, [illegible] отдѣльнымъ гражданскимъ [illegible] остается

БИБЛІОТЕКА

выбирать по вкусу тотъ или другой способъ политическаго самопожертвованія въ неравномъ поединкѣ съ самодержавіемъ: она, бросивши въ лицо абсолютной власти свое письмо, пошла въ ссылку, а другіе идутъ на каторгу и висѣлицу . . ., не довольствуясь письмами.

Теперь, спустя 4 года и при смѣнѣ одной личности абсолютнаго монарха другою, опять приходится спросить, назрѣло ли наконецъ въ Россіи политическое общественное мнѣніе, способное руководить верховною властью или отдѣльнымъ честнымъ личностямъ и группамъ по прежнему остается сводить свои нравственные счеты съ русскимъ народомъ въ самоубійственныхъ поединкахъ съ самодержавіемъ? Несомнѣнно только одно, что каковы бы ни оказались личныя склонности молодого государя, на унижennыя ходатайства своихъ подданныхъ о перемѣнахъ онъ естественно будетъ отвѣчать или какъ его либеральный дѣдъ Александръ II: «Я лучше знаю, что нужно для Россіи, чѣмъ вы», или какъ его реакціонный отецъ: «А вамъ-то какое до этого дѣло?» до тѣхъ поръ, пока для всѣхъ не стало ясно, что народилось такое общественное мнѣніе, которое уважаетъ себя и за свое право направлять верховную власть на благо всего народа готово постоять!

Письмо М. Цебриковой къ Александру III

Ваше Величество!

Законы моего отечества караютъ за свободное слово. Все что есть честнаго въ Россіи обречено видѣть торжествующій произволъ чиновничества, гоненіе на мысль, нравственное и физическое избіеніе молодыхъ поколѣній, безправіе обираемаго и засѣкаемаго народа — и молчать. Свобода — существенная потребность общества, и рано ли, поздно ли, но неизбѣжно придетъ часъ, когда мѣра терпѣнія переполнится и переросшіе опеку граждане заговорятъ громкимъ и смѣлымъ словомъ совершеннолѣтія — и власти придется уступить. Въ жизни единичной личности тоже наступаетъ минута, когда мучительный стыдъ быть, вынужденнымъ молчаніемъ своимъ, невольной участницей царящихъ неправды и зла, заставитъ ее рискнуть всѣмъ, что дорого ей ради того, чтобы сказать тому, въ чьихъ рукахъ сила и власть, чье слово можетъ уничтожить такъ много зла и позора родной страны: смотри что ты допускаешь, что ты творишь, и вѣдая и не вѣдая.

Русскіе императоры обречены видѣть и слышать лишь то, что видѣть и слышать имъ допуститъ чиновничество, стоящее стѣной между ними и русскимъ земствомъ, т. е. милліонами, не числящимися на государственной службѣ. Страшная смерть Александра II бросила зловѣщую тѣнь на Ваше вступленіе на престолъ. Васъ увѣрили, что смерть эта была слѣдствіемъ идей свободы, разросшись которымъ дали реформы лучшей поры прошлаго царствованія, и Вамъ внушили мѣры, которыми думаютъ отодвинуть Россію къ мрачной порѣ Николая I. Васъ пугаютъ призракомъ революціи. Да, революція уничтожающая монархію, есть призракъ въ настоящемъ. Послѣ катастрофы 1 марта у самихъ цареубійцъ не было ни малѣйшей надежды на созывъ своего учредительнаго собранія. Враги царскіе казнены, все подчиняется безмолвію монаршей власти. Въ силу какого же рокового недоразумѣнія правительство, вмѣсто того чтобы идти по пути реформъ, намѣченному въ лучшую пору правленія Александра II, уничтожаетъ реформы эти? Въ одних только законахъ, расширяющихъ права гражданъ, уничтожающихъ сословныя перегородки, открывающихъ народу широкій путь къ образованію и улучшенію быта его и заключается ручательство въ здоровомъ ростѣ Россіи.

Не реформы прошлаго царствованія создали террористовъ нашихъ, а недостаточность реформъ. Васъ отпугиваютъ отъ прогрессивной политики. Вамъ подсказываютъ политику въ духѣ Николая I потому, что первая грозитъ самодержавію министровъ и чиновничества, которымъ нужны безгласность и безправіе всей земли русской; потому что вторые застраховываютъ самодержавіе это, по

только до той поры, когда земля сознаетъ себя совершеннолѣтней. Власть опьяняетъ: для исключительныхъ личностей, какъ покойный гр. Толстой, она нужна, какъ средство уродовать русскую жизнь на прокустовомъ ложѣ теорій своихъ; для дюжинныхъ людей власть — мелкое унижающее наслажденіе сознавать себя выше земщины и самовластно распоряжаться ею: для негодяевъ власть средство безнаказанно обдѣлывать свои темныя дѣла. Самодержавіе, какъ огонь дробящійся на языки все болѣе и болѣе мелкіе по чиновничьей лѣстницѣ, спускающейся отъ царя до народа, даетъ показаніе на самоуправство надъ стоящей подъ ступенями лѣстницы земщиной, на фактическую безнаказанность. Кары за превышеніе власти, за наглое грабительство, за веправу такъ рѣдки, что не вліяютъ на общій порядокъ. Каждый губернаторъ самодержецъ въ губерніи, исправникъ — въ уѣздѣ, становой — въ станѣ, урядникъ — въ волости. Прямая выгода каждаго начальника отрицать и прикрывать злоупотребленія подчиненнаго. Узда на всѣхъ самодержавцевъ этихъ случайная. Губернатора сдержитъ кто нибудь изъ крупнаго дворянства, имѣющаго связи въ министерствѣ, при дворѣ, или мѣстный денежный тузъ, аферами дающій наживу, которою не брезгаютъ и высокопоставленныя особы; исправнику свяжутъ руки землевладѣльцы, дружащіе съ губернаторомъ; уряднику — тѣ изъ мѣстной земщины, которые нужны исправнику или становому. У народа нѣтъ связей, отводящихъ громы всѣхъ юпитеровъ этихъ, что рѣдко выручаетъ счастливая случайность: найдутся люди честные въ чиновничествѣ, которые не побоятся, что защита народа будетъ истолкована въ смыслѣ соціализма, или найдутся въ мѣстной

земщинѣ люди, способные вступиться за попранную правду и человѣчность. А если такихъ людей не найдется? Развѣ мало было примѣровъ, какъ высшіе классы земщины въ стачкѣ съ чиновничествомъ грабили юридически народъ. Еще Александръ I сказалъ, что честные люди въ правительствѣ случайность и что у него таковы министры, которыхъ онъ не хотѣлъ бы имѣть лакеями. И жизнь милліоновъ всегда будетъ въ рукахъ случайности тамъ, гдѣ воля одного рѣшаетъ выборъ.

Вездѣ, гдѣ люди, есть зло; все дѣло въ мѣрѣ, въ большемъ или меньшемъ просторѣ для разгула его. Въ чемъ у насъ гарантія отъ произвола? Судебная власть иногда защищала обираемый и засѣкаемый народъ, признавала преступниками тѣхъ, которые вызывали протестъ негодующаго чувства правды и человѣчности, а не протестовавшихъ. Реформы Ваши урѣзали въ значительной долѣ судебную власть. Сопротивленіе беззаконнымъ требованіямъ властей, когда онѣ въ стачкѣ съ кулаками отбираютъ у народа скотъ и землю, есть бунтъ противъ царя — и народъ мало по малу пріучается видѣть въ царѣ санкцію самоуправства. Теперь создается еще новая власть, земскихъ начальниковъ, власть страшнѣе другихъ, потому что давитъ непосредственно, потому что она не только исполнительная власть, но и частью судебная. Новые начальники отчасти замѣняютъ мировыхъ судей, въ которыхъ народъ имѣлъ все же хоть какую нибудь гарантію. Въ руки этихъ новыхъ самодержцевъ, фактически они будутъ самодержцами для народа — отдано рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ.

Знаете ли Вы, Ваше Величество, что какое нибудь маловажное дѣло въ родѣ ареста въ рабочую

пору за неуплату нѣсколькихъ рублей, можетъ пустить по міру безбѣдно жившую крестьянскую семью? Мужикъ не отработаетъ во время за землю снятую у кулака, за выгонъ, пользованіе лѣсомъ, кулакъ взыщетъ свое съ жидовскими процентами и мужику не выбиться изъ мертвой петли. То что я говорю не сказки «печати народниковъ», какъ зовутъ наше слово лакеи Ваши, а сама истина. Ее подтвердитъ Вамъ каждый и не читавшій ни строки печати этой, если только знаетъ народную жизнь и не захочетъ солгать.

Упорно держался слухъ и, насколько можно судить изъ достовѣрнаго источника, что въ проэктъ покойнаго министра Толстого не входило упраздненіе сельскихъ мировыхъ судей, что мѣра эта была исключительно дѣломъ Вашимъ, когда Вамъ доложили, что для государственнаго бюджета слишкомъ тяжелъ расходъ на содержаніе новой власти, — что мѣра эта смутила даже сторонниковъ проэкта Толстого, но возразить Вамъ они не посмѣли. Если эти слухи вѣрны, то какъ же можно, Ваше Величество, не зная близко народной жизни, брать на свою совѣсть такую мѣру? Или Вы вѣрите, что помазаніе на царство несетъ съ собой и всевѣдѣніе божества?

Если бы Вы видѣли жизнь народа не по тѣмъ казовымъ концамъ, которые Вамъ выставляютъ на глаза во время поѣздокъ Вашихъ по Россіи, знакомились съ русскимъ народомъ не въ лицѣ однихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, когда они въ праздничныхъ кафтанахъ подносятъ Вамъ хлѣбъ соль на серебряныхъ блюдахъ, купленныхъ на собранныя гривны съ души, у которой подчасъ нѣтъ и копѣйки на соль и для которой чистый хлѣбъ — пряникъ про святъ день, — то Вы

бы съ такою легкостью сердца не рѣшали бы мѣры, дѣлающія еще болѣе мучительнымъ лежащій на народѣ гнетъ. Если бы Вы могли, какъ сказочный царь, невидимкой пройти по городамъ и деревнямъ, чтобы узнать жизнь русскаго народа, Вы увидѣли бы его трудъ, его нищету, увидѣли бы, какъ губернаторы ведутъ войско пристрѣливать рабочихъ, не подчинившихся мошенническимъ штрафамъ и сбавкѣ платы, когда и при прежней можно жить только впроголодь, выдерживая голодный тифъ, или умирая отъ него; Вы увидѣли бы, какъ губернаторы ведутъ войско пристрѣливать крестьянъ бунтующихъ на колѣняхъ, не сходя съ облитой ихъ потомъ и кровью земли, которую у нихъ юридически грабятъ сильные міра. Тогда Вы поняли бы, что порядокъ, который держится милліонной арміей, легіонами чиновничества и сонмами шпіоновъ, порядокъ, во имя котораго душатъ каждое негодующее слово за народъ и противъ произвола, — не порядокъ, а чиновничья анархія. Анархія своеобразная: чиновничій механизмъ дѣйствуетъ повидимому стройно, предписанія, доклады и отчеты идутъ своимъ опредѣленнымъ ходомъ, а жизнь идетъ своимъ — и въ обществѣ, и народѣ не воспитано и не будетъ воспитано никакого понятія о законности и правдѣ. Общество и народъ, видятъ надъ собой одинъ произволъ и посредственно и непосредственно дѣйствующихъ рычаговъ и колесъ механизма.

Гласность суда урѣзана теперь чуть не до нуля. Преступленія по должности отнынѣ будутъ судимы тайно. Отнята у несостоящихъ на службѣ подданныхъ Вашихъ послѣдняя гарантія, ограждавшая ихъ отъ злоупотребленій властью имѣющихъ. Представители отъ Общества въ родѣ городского

головы и др. — не ручательство. Гдѣ же у нихъ найдется время вникнуть въ дѣло, при рѣшеніи котораго они призваны присутствовать: гдѣ ручательство, что у нихъ найдется гражданское мужество протеста въ тѣхъ случаяхъ, когда правдивое слово есть гражданскій подвигъ? Гарантія публичности и печати страшна, потому что на глазахъ міра не такъ легко кривить душой. Но разъ бывало прежде, что при скандальныхъ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны сильные міра, печать получила отъ цензуры предписаніе молчать. Теперь нѣтъ суда передъ лицомъ русскаго міра, гдѣ каждый представитель земщины могъ бы видѣть, какъ охраняются интересы правосудія, когда права земщины попраны чиновничествомъ. Теперь безнаказанность произвола вполнѣ обезпечена. Прямая выгода каждаго чиновника доказать несправедливость жалобъ на него и подчиненныхъ его и заявить, что все обстоитъ благополучно въ его вѣдомствѣ. Эта мѣра еще болѣе укрѣпляющая за чиновничествомъ характеръ опричины.

Слухи ходятъ о личномъ характерѣ Вашего Величества, что Вы не терпите ложь. Какъ же Вы не поймете, что тотъ изъ чиновниковъ Вашихъ, кто противъ гласности въ судѣ и въ печати, тотъ находитъ свою выгоду во мракѣ и тайнѣ. Каждый честный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, министръ или простой смертный, который не скажетъ: «вотъ вся моя жизнь, пусть меня судитъ міръ, грязныхъ пятенъ нѣтъ на совѣсти», — тотъ не можетъ быть честнымъ человѣкомъ. Васъ убѣдили доводами государственной необходимости; но правительство, прибѣгающее къ безнравственнымъ средствамъ, само роетъ себѣ пропасть. Васъ отпугиваютъ отъ гласнаго суда доводами, что гласность подрываетъ

довѣріе общества къ правительству своими разоблаченіями, что и безъ того общество готово вѣрить всему дурному на счетъ лицъ облеченныхъ властью. Если это такъ, то это доказываетъ одно: что горькій опытъ вѣковъ подорвалъ въ обществѣ довѣріе къ правительству и нравственное обаяніе его—и всего этого не воскресить ничѣмъ, потому что произволу нѣтъ оправданія. Тайна свидѣтельствуетъ о невѣріи въ себя. Кто вѣритъ въ себя, тотъ свѣта не боится. Тайна нужна только тому, кто сознаетъ что держится не нравственной, но одной матерьяльной силой.

На сколько поколѣній еще хватитъ у правительства матерьяльной силы, чтобы давить земщину въ угоду чиновничьей анархіи, это покажетъ будущее. Правительство дѣлаетъ все, что во власти его, чтобы раздувать общее недовольство и облекать во плоть и кровь страшный призракъ революціи. Даже принимаемыя имъ для популярности мѣры роковымъ образомъ приносятъ только зло, потому что основаны не на справедливости. Есть зло, надъ которымъ безсильна власть, и желаніе Генриха IV, чтобы у каждаго крестьянина варилась курица въ супѣ — мечта народолюбиваго монарха. Борьба между сытыми и голодными не разрѣшается указами. Но во власти каждаго правители связывать или развязывать въ извѣстной степени руки, вырывающія кусокъ хлѣба у голоднаго. Роль правительства быть регуляторомъ въ борьбѣ интересовъ, а не приносить одно сословіе въ жертву другому. Для новаго земскаго начальства не требуется никакого умственнаго ценза; дворянское происхожденіе признано достаточнымъ ручательствомъ, и каждый недоучка, митрофанушка, гонявшій голубей, можетъ, если у него есть связи,

держать въ рукахъ жизнь десятковъ тысячъ крестьянъ. Власть, непосредственно дѣйствующая, самая страшная. Эта мѣра можетъ только еще болѣе раздуть затаенную вражду народа къ барамъ. Чтобы спасти дворянскій банкъ, въ которомъ, какъ того и ожидали при основаніи его, дворянство съумѣло только брать ссуды, а не уплачивать, правительство выпустило новый заемъ съ выигрышами; въ будущемъ и его уплатятъ, только усиливая налоги. Это мѣра, развращающая сословіе пріучая его жить на счетъ массы, развращающая общество усиленіемъ ажіотажа, отвлекающая отъ промышленности капиталы; а это повлечетъ за собой уменьшеніе заработковъ, такъ нужныхъ крестьянину особенно въ выпаханныхъ полосахъ Россіи. И безъ того полиція высылаетъ на родину рабочихъ сотнями тысячъ, не находящихъ работы въ Петербургѣ. Крахъ дворянскаго банка только отсрочитъ. Крестьянинъ, обработывающій землю своимъ трудомъ, можетъ платить отъ 5—7 процентовъ въ свой банкъ, при условіи постояннаго урожая; землевладѣлецъ, обработывающій ее наемнымъ трудомъ, не выдержитъ такого платежа и при нашей низкой заработной платѣ; урожай, понижающій цѣну на хлѣбъ, не выгоденъ для него. Сытый крестьянинъ не пойдетъ ни обработывать, ни возить хлѣбъ за безцѣнокъ. Дороговизна провоза хлѣба, обусловленная и плохими путями сообщенія, и порядками желѣзнодорожныхъ концессій и управленія, разстроитъ производящаго хлѣбъ чужими руками. Новый заемъ не поднимаетъ дворянства. Имѣнія его будутъ дробиться, а оно нищать. Дѣлаются попытки привить права первородства, держать землю въ рукахъ рода, создаются заповѣдныя имѣнія. Но и Петръ I не могъ сдѣ-

лать ничего въ этомъ отношеніи, и единичныя исключенія не измѣнятъ общихъ условій. Если бы Вамъ чудомъ удалось то, чего не могъ сдѣлать, Петръ I въ ту пору, когда царь считался чуть не Богомъ, то создастся олигархія. Высшее дворянство не захочетъ быть игрушкой гнетущаго земщину произвола; честолюбіе его не удовлетворится немногими шансами попасть въ число главныхъ заправителей его и оно само потребуетъ своей доли въ произволѣ. И безъ всякаго права первородства бояре были страшны царямъ, вельможи XVIII и XIX вѣка императорамъ. Были примѣры смерти Петра III и Павла I. Если бы было возможно привить право первородства въ Россіи, то создается новый революціонный элементъ въ обществѣ — младшія обездоленныя дѣти. Это доказано исторіей Европы. Обездоленные потомки дворянскихъ родовъ будутъ сливаться съ демократическими сословіями и этого не отвратить никакими дворянскими банками.

Бѣдное дворянство наравнѣ съ другими сословіями раздражено послѣдними мѣрами министерства народнаго просвѣщенія, повышающими плату за ученіе и открывающими доступъ къ образованію и, слѣдовательно, къ государственной службѣ только достаточнымъ людямъ. И какъ много теряетъ Россія отъ того, что всѣмъ способностямъ, таящимся въ массѣ, нѣтъ доступа къ образованію. Всѣ мѣры министерства народнаго просвѣщенія имѣютъ цѣлью загасить просвѣщеніе. Студенты прикрѣпляются по округамъ и лишены права выбирать тѣ университеты, гдѣ читаютъ наиболѣе талантливые профессора. Открытіе университета въ Сибири пугаетъ. Это мѣры близорукой полиціи, а не просвѣщеннаго правительства. Еще

спартанцы выкалывали глаза рабамъ ради того, чтобы тѣ, не развлекаясь, вертѣли жернова. Но въ XIX вѣкѣ, на порогѣ XX, сомнительно, чтобы такія мѣры могли долго упрочивать порядокъ. Извѣстный циркуляръ министра Делянова, закрывающій гимназіи для бѣдняковъ и открывающій такой широкій просторъ произволу и взяточничеству директоровъ гимназій, далъ лишній козырь въ руки террористовъ.

Какіе уроки вынесетъ ребенокъ изъ школы, гдѣ гонятъ бѣднаго брата? Онъ съ перваго шага изъ дома видитъ противорѣчіе правительства съ ученіемъ Христа. Онъ въ школѣ получаетъ уроки предательства. Въ гимназіяхъ есть шпіоны. Такого растлѣнія школы не было и при Николаѣ I, не смотря на извѣстную записку Липранди. Преданіями корпусовъ передается фактъ, какъ Николай I назвалъ молодцомъ кадета, геройски вынесшаго варварскую порку за то, что не выдалъ товарища. Духъ многихъ гимназій таковъ, что матери, не имѣющія понятія ни о какихъ неблагонамѣренныхъ теоріяхъ, съ ужасомъ думаютъ о томъ, какъ отдать въ правительственную гимназію сына, честнаго и пылкаго мальчика, неспособнаго молча видѣть, какъ гонятъ бѣднякa товарища, ни покорно выслушать приказъ фискалить и соглядатайствовать.

Умъ дѣтей калечится системою классицизма, которая не даетъ просвѣтительнаго, очеловѣчивающаго начала, какъ система Уварова при Николаѣ I, не любившемъ классицизма. Нынѣшняя система даетъ одну мертвящую долбню словъ и это, въ такихъ пріемахъ, что для наиболѣе нужныхъ предметовъ не хватаетъ времени. Выдерживаютъ экзаменъ или необычайно талантливые и здоровые, или богатые, которые могли пользоваться приват,

ными уроками—доходной статьей гимназическихъ учителей. Для бѣдныхъ—классицизмъ система изгнанія изъ училища. Семьѣ, приносившей тяжелыя жертвы, чтобы воспитать сына, свою опору, возвращали недоучку, изломаннаго душой и тѣломъ. Бывали примѣры и страшнѣе. Юноша, чтобы не быть бременемъ семьѣ, кончалъ самоубійствомъ. Кровавыя жертвы не открывали глазъ правительству, оно приказывало молчать о нихъ. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» уже нѣсколько лѣтъ не печатаются болѣе цифры процента оканчивающихъ курсъ учениковъ классическихъ гимназій сравнительно съ процентомъ поступившихъ. Цифра такъ краснорѣчива и ее надо пополнить другой—цифрой искалеченной духомъ и тѣломъ и озлобленной гимназическимъ порядкомъ молодежи, уходящей въ ряды революціонеровъ.

Пройдетъ благополучно гимназію юноша—и въ университетѣ его ломаетъ та же система. Его, взрослаго подчиняютъ мальчишеской дисциплинѣ, и полиція бьетъ его, когда онъ не хочетъ подчиняться. Инспекторъ Болдыревъ, который вызвалъ въ московскомъ университетѣ исторію, испортившую жизнь сотнямъ учащейся молодежи, былъ боленъ хроническимъ менингитомъ, какъ то доказало вскрытіе мозга. Люди, знавшіе его прежде за человѣка мягкаго и порядочнаго, изумлялись его превращенію въ раздражительнаго и дерзкаго деспота. Хороша же система, при которой выходки сумасшедшаго считаются нормальнымъ проявленіемъ авторитета, законнымъ охраненіемъ порядка! Юноша видитъ въ храмѣ науки учителей, которые какъ Владиславлевъ, стали притчей во языцѣхъ нелѣпою книгою, доказывающею права человѣка на уваженіе цифрою его капитала и внушающихъ

почтеніе къ императору цифрою его доходовъ. Юнона видитъ гоненіе на профессоровъ, признающихъ науку святынней, которую преступно урѣзывать по приказу государственной полиціи, и считающихъ позоромъ исправлять при учащейся молодежи должность полицейскаго сыщика. Въ послѣднее время покойный Орестъ Миллеръ, искренно религіозный человѣкъ и вѣрноподданный, былъ лишенъ каѳедры за свою неспособность къ роли сыщика. Иллюзіи жизни, которыхъ гимназія не успѣла еще вытравить въ юношѣ, вытравляются университетомъ. Одинъ отецъ, защищавшій сына политическаго преступника, на упрекъ прокурора, что семья роститъ враговъ правительству, отвѣчалъ приблизительно такъ: «Мы отдаемъ въ школы правительства мальчика добраго, любящаго; школа возвращаетъ его намъ поломаннаго, озлобленнаго». Юношество, имѣющее средство, уходитъ учиться въ заграничные университеты и, конечно, сравненіе ихъ порядковъ съ нашими, не внушитъ ему любви къ послѣднимъ.

Ученый міръ западной Европы замѣтилъ, что за послѣднее двадцатилѣтіе сильно понизился въ нашихъ представителяхъ науки не только уровень талантливости, но и добросовѣстнаго отношенія къ наукѣ, и человѣческаго достоинства. Бываютъ полосы урожайныя и неурожайныя, но повальнаго неурожая во всѣхъ отрасляхъ знанія быть не можетъ. Замѣченный безотрадный фактъ есть прямое послѣдствіе систематическаго выпалыванья талантливаго юношества руками государственной полиціи. Чѣмъ крупнѣе сила, тѣмъ менѣе она мирится съ гнетомъ. Чѣмъ сильнѣе въ юношѣ любовь къ знанію, тѣмъ менѣе можетъ онъ чтить науку, преподаваемую въ полицейскихъ нѣдяхъ.

Американецъ Кеннанъ, предубѣжденный противъ нашихъ революціонеровъ, былъ, при близкомъ знакомствѣ съ ними, изумленъ талантливостью и познаніями многихъ и могъ только жалѣть о странѣ, гдѣ гибнутъ такія силы.

Умѣлѣвшая учащаяся молодежь, сохранившая желаніе добра, идетъ на государственную службу, неся гнетущее сознаніе, что и крупица добра, внести которую она жаждетъ, должна пропасть въ чиновничьей анархіи, что порядокъ, служить которому она призвана, въ сущности такая анархія. Молодежь вступаетъ въ практическую жизнь безъ необходимой подготовки. Умѣнье написать свою біографію по латыни было признано учительствомъ способности быть напр. педагогомъ воспитателемъ, судьею, заправителемъ жизни народа. Молодежь, уцѣлѣвшая потому, что не знала другого бога кромѣ карьеры, будетъ плодить чиновничью анархію, насаждать сегодня, завтра вырывать насажденное по приказу начальства, вносить еще болѣе яда разложенія въ язвы, разъѣдающія родную страну. И эта молодежь, изолгавшаяся и продажная, тоже на свой пай служитъ революціонной пропагандой.

Неуклонно принимаемыя мѣры для сокращенія числа учащейся молодежи обусловлены тѣмъ, что у насъ будто слишкомъ много интеллигентныхъ работниковъ, не находящихъ мѣстъ и оттого плодится интеллигентный пролетаріатъ, элементъ революціонный. Ваше Величество, загляните въ сравнительную статистику, которой такъ не любятъ охранители чиновничьей анархіи, и Вы увидите сколько на 1000 жителей приходится въ Европѣ врачей, учителей, акушерокъ, техниковъ всякаго рода, сколько школъ и больницъ всякого рода тамъ, и

сколько въ Россіи. А при рѣдкомъ, разсѣянномъ на громадныхъ пространствахъ населеніи нашемъ, при плохомъ состояніи путей сообщенія, намъ нуженъ противъ Европы двойной и тройной проценгъ на тысячу. Интеллигентный рабочій не находитъ мѣста, не потому что рабочихъ много, а потому что слишкомъ мало учрежденій, нужныхъ Россіи, и ихъ надо создать. Молодежь, конечно, понимаетъ настоящую причину ограниченія числа учащихся и это можетъ только усиливать непопулярность правительства.

Правительство одержимо боязнью допустить интеллигенцію къ народу. Молодежь, которой кровь страшна и которая хочетъ уплатить свой долгъ народу самыми законными путями: или уча его грамотности, азбукѣ культурности и гражданственности, начаткамъ знаній, такъ нужныхъ ему для улучшенія его быта, или выступая законными защитниками его противъ притѣсненій, — эта молодежь считается опасной. Бывало много примѣровъ, что побившись нѣсколько лѣтъ и видя безплодность усилій своихъ передъ стачкою мѣстнаго чиновничества съ кулаками, дворянами и не дворянами, попами-ростовщиками и шпіонами, —дружною стачкою всѣхъ, кому выгодны невѣжество и беззащитность народа, молодежь въ отчаяніи уходила въ революціонеры.

Для народа признаны пригодными учителя недоучки. Учительскія семинаріи не готовятъ учителей, нужныхъ народу; а людямъ, чуждымъ всякихъ революціонныхъ цѣлей, если только они окончили курсъ въ университетѣ, запрещено быть народными учителями. Школа, которою заправляютъ невѣжды и недоучки, признана единственной пригодной для народа; народу земледѣльче-

скому не даютъ понятія о природѣ; выпахиваемая первобытными способами земля истощается. Народу нужны заработки на сторонѣ, чтобы выправить подати, а у него нѣтъ ремесленныхъ школъ. Народу русскому не даютъ понятія о Россіи и онъ, когда не у чего станетъ жить на родинѣ, идетъ зря за тысячи верстъ, разыскивать теплыя воды. Народу не даютъ основательнаго понятія о законахъ страны, которую онъ кормитъ своимъ хлѣбомъ, а пунктъ нашего свода гласитъ, что незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ. Едва ли одна десятая дѣтей народа учится въ школахъ; и еще не мало школъ закрываются попечителями въ родѣ графа Каниста, предъявляющими сельскимъ обществамъ приказы «поставить школы сообразно требованіямъ науки». Не смотря на смиренную просьбу сельскихъ обществъ сохранить имъ существующую школу, такъ какъ они, при всемъ желаніи, по бѣдности не могутъ исполнить волю начальства, училища были закрыты. Это значитъ сказать обутому въ лапти крестьянину: снимай ихъ и носи сапоги,—и онъ будетъ ходить босымъ.

Школы и учительскія семинаріи, устраиваемыя земствами, преслѣдуются не смотря на то, что земства не смѣютъ имѣть иныхъ программъ, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ и во всякое время открыты инспекторамъ отъ правительства. Какъ ни малы крупицы знанія, даваемыя земскою школою, все таки онѣ крупнѣе и питательнѣе тѣхъ, какія даетъ церковно-приходская школа, учащая преимущественно псалтырю,—евангелье на всегда одобряется школою. Дьяконы, которыхъ въ качествѣ преподавателей разослали по приходамъ, радѣютъ болѣе о своемъ участкѣ въ приходской

землѣ, чѣмъ о школѣ. Школы эти не достигнутъ цѣли своей—поддержать православіе, не застрахуютъ крестьянъ отъ раскола, который народъ вывелъ изъ той же библіи и псалтыря. Школы эти не поднимаютъ авторитетъ духовенства, потому что оно ставитъ свой тарифъ на спасеніе души, потому что сельскій священникъ, исправно вносящій свою подать консисторіи, можетъ безнаказанно грабить народъ и въ стачкѣ съ полиціей избавиться доносами отъ каждаго ходока за народъ, ходящаго самыми законными путями. Учительница, акушерка, учитель или врачъ, которые посовѣтуютъ во время дифтеритной или сыпныхъ эпидемій не носить больныхъ дѣтей къ причастію въ трескучіе морозы, давать въ постъ больнымъ крошкамъ молоко, лечить кликушъ и тѣмъ отбивать доходъ за заклинательныя молитвы, объяснять законы природы и разсѣевать мракъ суевѣрія, несущій гроши въ приходскую казну, лишаются мѣста, хотя бы ни словомъ не колебали основы религіи. Приходскія школы отдадутъ безповоротно элементарное образованіе народа въ руки безграмотныхъ отставныхъ солдатъ, выгнанныхъ за пьянство семинаристовъ. Духовенство, нанимая учителей, даетъ ничтожную плату, 3 руб. въ мѣсяцъ. Школа ускользаетъ отъ вліянія инспекторовъ, духовенство отвѣтственно только передъ своимъ начальствомъ, а оно — люди отрекшіеся отъ міра.

Народъ нашъ бѣденъ. Крупный процентъ его живетъ впроголодь, и въ урожайную пору крупный процентъ народа ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, пряберегая хлѣбъ посытнѣе для рабочей поры. Избы его—вонючія сырыя лачуги. Топить нечѣмъ. Подъ печкой пріютъ для новорожденныхъ телятъ, ягнятъ, домашней птицы. Болѣе половины дѣтей умираетъ

въ раннемъ возрастѣ отъ плохой пищи матери, изнуренной работой, отъ родимчика — слѣдствія или слабости организма, или отравленія вреднымъ воздухомъ. Каждая эпидемія коситъ массу жертвъ. Иныя деревни поражаютъ малочисленностью дѣтей—зимой проила косой своей оспа, корь. Брошенныя безъ призора дѣти, пока мать на работѣ, —жертва несчастныхъ случайностей. Сифилисъ подъѣдаетъ въ корнѣ здоровье будущихъ поколѣній. У народа почти нѣтъ больницъ; число существующихъ ничтожно на мильоны. У безземельныхъ батраковъ, число которыхъ растетъ вслѣдствіе обнищанія крестьянъ, у городскихъ рабочихъ, нѣтъ убѣжища подъ старость. Изживъ всѣ силы на работѣ, приходится умирать гдѣ придется—подъ заборомъ, въ придорожной канавѣ. Переселеніе народа съ выпаханной земли на плодородную устроено безобразно, если устройствомъ можно назвать средство наживы чиновничества. Послѣ мучительнаго пути въ тысячи верстъ, потративъ послѣднія крохи, переселенецъ нерѣдко находитъ свою землю занятою кулаками всякаго рода, которые воспользовались его незнаніемъ законовъ и надули посланныхъ впередъ развѣдчиковъ. Переселеніе стѣснено; съ уходомъ переселенцевъ дорожаютъ рабочія руки. Еще въ прошлое царствованіе штыками гнали обратно латышей, ушедшихъ отъ непосильной арендной платы баронамъ. Всѣ лучшія земли въ краѣ, завоеванномъ кровью народа, всегда раздаются приближеннымъ царя и онъ самъ беретъ себѣ львиную долю. Много ли оставлено удобной земли народу для колонизаціи въ новыхъ азіатскихъ владѣніяхъ? Одни пески. Нашъ громоотводъ отъ пролетаріата — государственныя земли, расхищаются.

На школы и больницы, на устройство пріютовъ для дѣтей, брошенныхъ безъ призора пока мать на работѣ, благодѣтель для престарѣлыхъ безпріютныхъ работниковъ—нѣтъ средствъ. А находятся средства на массу непроизводительныхъ расходовъ: напр. нашлись мильоны на покупку Маріинскаго дворца для государственнаго совѣта, имѣвшаго прилично помѣщеніе; тратятся мильоны на министерство двора, управленіе имѣніями царствующей династіи. И на это тратить народныя деньги только одно русское правительство: въ западныхъ монархіяхъ должность министра двора исполняетъ церемоній-мейстеръ, а управленіе имѣніями царствующей династіи оплачивается доходами съ имѣній, не считается государственной службой и не ложится на государственную казну, т. е. народъ, который несетъ на себѣ главную тяжесть государственнаго тягла.

Лакеи Вашего Величества скажутъ Вамъ, что высказанное здѣсь—идеи нечестиваго запада, но это идеи справедливости. Дающій болѣе получаетъ менѣе. Сибирь была завоевана и колонизирована народомъ, а главная доля золота, добываемаго въ ней, идетъ не на нужды народа и даже не въ государственную казну: по количеству добываемаго золота, казенные прінски занимаютъ третье мѣсто, первое принадлежитъ императорскому кабинету. Однимъ почеркомъ пера прадѣдъ Вашъ обратилъ собственность государственную въ собственность кабинета. Цензура запретила газетамъ печатать свѣдѣнія о количествѣ добываемаго золота. Чему служитъ запрещеніе это? Справедливости ли и истинѣ? Что подрываетъ запрещеніе это—кредитъ ли печати, или кредитъ правительства?

Цензура наша ведетъ къ тому, что молодежь

жадно кидается не только на то, что есть вѣрнаго въ подпольной и заграничной печати нашей, но и на нелѣпости. Если гонять слово—значитъ боятся правды. Ваше Величество съ семействомъ своимъ едва не поплатились дорого за гоненіе на слово. Печать обличавшая систему концессій, наживаться которою не брезгаютъ и высокопоставленныя лица, подвергалась преслѣдованію. Покойный графъ Толстой, по просьбѣ бывшаго министра путей сообщенія Посьета, приказалъ уничтожить обличительную брошюру, въ которой заключались вѣрныя свѣдѣнія. Цензура наша доходила до такихъ нелѣпостей, что получивъ отъ III отдѣленія предписаніе обращать вниманіе на такого то автора, вырѣзывала изъ его книги дѣтскихъ разсказовъ вещи уже напечатанныя въ подцензурныхъ изданіяхъ. Случалось, что московская цензура пропускала то, что запрещала петербургская, и наоборотъ. Писатель—игрушка цензорскаго произвола и никогда не можетъ знать, какъ взглянетъ на его трудъ и въ какую минуту тотъ или другой цензоръ. Замѣчено только, что преслѣдованія сильнѣе передъ рождествомъ и пасхою — пора наградъ есть пора больнаго усердія. Наконецъ, цензура дошла до геркулесовскихъ столбовъ — императоръ Александръ II оказался нецензурнымъ въ своей имперіи. Прессѣ было запрещено перепечатывать его рѣчь болгарамъ о конституціи.

Правительство признаетъ силу печатнаго слова, потому что субсидируетъ свою прессу и пропагандируетъ ее черезъ исправниковъ и становыхъ; если слухи вѣрны, то за границей оно создаетъ органы агентовъ подстрекателей. Оно открываетъ объятія перебѣжчикамъ изъ оппозиціонной и революціонной прессы, — и ошибается въ разсчетѣ

на силу ихъ поддержки: слово предателя не можетъ имѣть силы слова искренняго убѣжденія. Цитовичъ, предпринимая изданіе офиціознаго органа, находилъ сотрудниковъ только среди бездарностей. Когда цвѣтъ мысли и творчества не на сторонѣ правительства, то это доказательство того, что создавшая его идея вымерла и оно держится лишь одной матерьяльной силой. Только живая идея можетъ вдохновлять таланты. Не печать создаетъ общее недовольство, печать только отголосокъ общественнаго настроенія. Призывъ къ революціи безсиленъ тамъ, гдѣ народъ не задавленъ и не обобранъ, гдѣ законъ не маска, которою прикрываются сильные, чтобы давить слабыхъ. Печать гонятъ, когда она указываетъ на зло тѣхъ мѣръ, какими сильные міра, не зная жизни общества и народа, ломаютъ ее во имя теорій, измышленныхъ въ канцеляріяхъ и кабинетахъ своихъ. Послѣ сравнительно льготной поры, первое гоненіе на печать было поднято по вліянію гр. Толстого, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, и это за критику вводимой имъ системы классицизма. Самъ гр. Толстой, какъ утверждаютъ слухи и изъ достовѣрныхъ источниковъ, незадолго передъ смертью сознался, что былъ введенъ въ заблужденіе Катковымъ и что система эта принесла съ собой притупленіе ума учащихся. Одинъ человѣкъ, не занимавшійся никогда практически обученіемъ и воспитаніемъ, могъ вершить судьбы образованія десятковъ тысячъ юношества. Возвратитъ ли позднее сознаніе страшной ошибки даромъ загубленные годы и забитыя силы юношества? Воскреситъ ли тѣхъ, которые покончили самоубійствомъ, высушитъ ли слезы матерей и обратитъ ли проклятія ихъ въ благословенія?

Опытъ прежнихъ царствованій и Вашъ собственный долженъ бы былъ показать Вашему Величеству, что внутренняя политика преслѣдованій недостигаетъ цѣли. Расколъ преслѣдуютъ со временъ Петра I и ранѣе, а онъ растетъ. Множатся рапіопалистическія секты, потому что мысль народа, въ лучшихъ представителяхъ его, переросла мертвую обрядность, въ которой держитъ его духовенство. Народъ ищетъ духа евангелія и отворачивается отъ буквы. Сельское духовенство оказывается безсильнымъ въ борьбѣ не только съ сектами въ родѣ штундистовъ или молоканъ, но даже съ дикимъ изувѣрствомъ скопцовъ, и защиту православія возлагаетъ на полицію и застѣнки тюремные и монастырскіе. Придетъ пора, когда гоненіе за право мыслить и вѣровать по совѣсти будетъ казаться страннымъ сномъ: гоненіе ведетъ къ тому, что пора эта придетъ въ заревѣ пожаровъ и дымящейся крови.

Гоненіе—лучшее средство вытравлять въ народѣ любовь къ царю, т. е. къ его идеалу царя. Она ослабѣла, это замѣчено всѣми помнящими пору Николая I. Народъ еще толпами бѣжитъ встрѣчать царя: но случается гораздо чаще, чѣмъ прежде, что полиція подсказываетъ ему: ура. Тогда «ура» спльнѣе и восторженнѣе рвалось изъ груди толпы. Масса народа вѣритъ еще, что зло не отъ царя, а отъ чиновничества. Его царь, наконецъ, увидитъ что терпитъ народъ, вступится за обиды народныя и дастъ ему землю. Царь обманутъ, если бы онъ зналъ! говоритъ народъ. Не сегодня и завтра обманутъ, и здѣсь и тамъ обманутъ, столѣтіями все обманутъ! Эта роль вѣчно обманутаго подрываетъ обаяніе царя. Не на то онъ былъ помазанъ, чтобы быть вѣчно обманутымъ,

какимъ же отцомъ народу будетъ онъ? вотъ выводъ, къ которому самодержавіе ведетъ народъ. И губернаторы, призывающіе войско пристрѣливать народъ, когда онъ на фабрикахъ не принимаетъ сбавки платы, которая его жизнь часомъ впроголодь обратить въ непрерывную голодовку, или когда онъ, бунтуя на колѣняхъ не сходитъ съ земли неправдою отнятой у него—эти царскіе слуги приводятъ его къ такому выводу.

Въ интеллигентномъ обществѣ, въ чиновничествѣ вымеръ культъ царя, доживавшій послѣдніе дни въ началѣ крымской войны. Нельзя судить по придворнымъ, чья преданность такъ много зависитъ отъ подачекъ на счетъ народа, ни по постройкамъ храмовъ, учрежденію училищъ, стипендій и пр. въ память избавленія отъ катастрофы 17 октября. Въ основѣ многихъ жертвъ лежитъ паника: непринятіе участія въ подпискѣ есть оглашеніе себя неблагонамѣреннымъ; лежитъ разсчетъ для иныхъ: обойти препятствія, какія мраколюбивое чиновничество ставитъ каждому полезному предпріятію; для другихъ—разчистить себѣ путь къ монополіи, отличиться, получить кавалерію, такъ или иначе обдѣлать свои дѣла. Если вѣрить слухамъ, то министръ просвѣщенія, отставки котораго ждало раздраженное его мѣрами общество, остался на мѣстѣ потому, что нѣсколько учащихся юношей цѣловали руки Ваши по возвращеніи Вашемъ въ столицу послѣ 17 октября. Слѣдовательно, по мнѣнію общества, эти знаки азіатскаго раболѣпія были сочтены за такую важную заслугу, что вполнѣ изгладили зло, нанесенное обществу знаменитымъ циркуляромъ.

Честные чиновники и офицеры, сыновья и внуки тѣхъ честныхъ царевыхъ слугъ, но не рабовъ,

такъ искренно оплакивавшихъ смерть Николая I теперь служатъ не царю, а Россіи. Отцы и дѣды служили царю, видя въ немъ воплощеніе Россіи. Сыновья и внуки служатъ, подчиняясь со стыдомъ и скорбью, видя какъ порядки самодержавія уничтожаютъ девять десятыхъ пользы, которую они хотятъ принести. Они ищутъ чистыхъ должностей и не идутъ ни въ жандармы, ни въ государственную полицію. Крупный процентъ чиновничества самъ не вѣритъ въ прочность существующаго порядка, потому что по очію видитъ, какъ далека отъ жизни чиновничья регламентація ея. Послѣ катастрофы 1 марта 1881 г. объятое паникой провинціальное чиновничество воображало, будто въ Петербургѣ политическій переворотъ и террористами созывается учредительное собраніе, о которомъ не мечтали и Желябовы. Наконецъ, чиновничество терпитъ отъ того же произвола и само и въ дѣтяхъ своихъ. Офицеры тоже ропщутъ; дисциплина фактически сводится къ тому, что старшій всегда правъ. Въ послѣдніе годы снова множится рѣдѣвшій типъ офицеровъ-дантистовъ, воскресаетъ прежнее палачество. Теперь снова, какъ въ пору Николая I, водятся офицеры, съ сознаніемъ своей правоты разсказывающіе о томъ, какъ они «дали въ зубы солдатамъ». На солдатъ дисциплина обрушивается съ удвоенной и утроенной тираніей. Сухановъ пытался бороться законными путями, вступаясь за обкрадываемыхъ и побиваемыхъ нижнихъ чиновъ—и купилъ смертью террориста. Чѣмъ были порядки флота при Николаѣ I, я знаю хорошо: отецъ мой, вѣрный слуга царевъ, но не рабъ, не могъ равнодушно говорить о нихъ; и судя по слухамъ, они не далеко ушли впередъ отъ прошлаго. Масса чиновничества и офицерства

—карьеристы, по приказу насаждающіе сегодня то, что завтра будутъ выпалывать, и наоборотъ, и всегда доказывающіе, что и насажденіе и выпалываніе на благо Россіи, потому что на то есть высочайшая воля. Они сами отлично вѣдаютъ, что творятъ; но ихъ девизъ: хватитъ на нашъ вѣкъ и дѣтей нашихъ, а тамъ хоть трава не расти!

Верховная власть не можетъ руководиться такимъ девизомъ: на ней лежитъ отвѣтственность не только за настоящее, но и за будущее страны, на которомъ неизбѣжно отзываются всѣ мѣры ея. Намѣренное зло не можетъ входить въ цѣли ея; но самодержавный монархъ оказывается неизбѣжно отвѣтственнымъ за каждую кроху зла, творимую именемъ его. Онъ назначаетъ чиновничество управляющее Россіею, онъ преслѣдуетъ всѣ обличенія зла, онъ оказывается солидарнымъ съ каждымъ губернаторомъ, по щемкински правящимъ краемъ, съ каждымъ монополистомъ, жирѣющимъ на счетъ народа, съ каждымъ офицеромъ — держимордой, съ каждымъ шпіономъ, по доносу котораго сошлютъ въ Сибирь человѣка, политически невиннаго или виновнаго.

Во всѣхъ мѣрахъ правительства сказывается цѣль найти себѣ опору—это признаніе въ слабости. Оно ищетъ опору въ православіи; но религія поддерживаемая полицейскими мѣрами, застѣнками не опора. Охранители сами подрываютъ ее. Вотъ на выдержку одинъ фактъ. Истеричная немолодая дѣвушка изъ московскаго титулованнаго семейства отправилась для поцѣленія къ тихвинскому источнику, была какъ бѣсноватая схвачена монахами, насильно выкупана въ источникѣ, заключена въ грязную келью и отъ заклинаній, изгонявшихъ бѣсовъ, сошла съ ума. Родные нашли

ее въ ужасающемъ отвратительномъ состояніи, и она вскорѣ умерла. Оберъ прокуроръ синода не далъ хода жалобамъ родныхъ и замялъ дѣло, «чтобы не подрывать религію», что конечно ведетъ только къ большему подрыву ея. Въ средѣ духовенства чиновничествующаго и побирающагося, есть и люди честные, искренно проникнутые ученіемъ Христа; но эти люди считаются подозрительными, вольнодумцами: нужна не мораль Христа, а обрядность, какъ политическая мѣра. И не смотря на всѣ мѣры, присяга все болѣе и болѣе утрачиваетъ для простыхъ сердецъ религіозное обаяніе, и вѣра въ помазанника вымираетъ. Бѣлое духовенство озлобляется порядками консисторій и семинарій; изъ семинарій выходятъ самые крайніе отрицатели. Все что есть честнаго въ духовенствѣ видитъ всю ложь государственной системы, враждебной духу христіанства. Людей исповѣдующихъ Христову мораль, людей любви и мира, которые, какъ Соловьевъ, напомнили гласно о христіанской заповѣди: не убій, когда полиція и рабы кричали: «убій»! преслѣдуютъ именемъ монарха, носящаго титулъ «благочестивѣйшаго».

Земство, помощь котораго призывало прошлое царствованіе, теперь лишается и прежнихъ крайне скудныхъ правъ. Благодаря земству, основано столько школъ и больницъ, сколько въ тройной періодъ времени не основало бы чиновничество. Тѣсный районъ самоуправленія, отмежеванный земству, урѣзывается отъ того, что стѣсняетъ произволъ мелкихъ и крупныхъ сатраповъ. Бывали примѣры, что предсѣдатели получали секретное предписаніе отъ губернатора не выставлять имена такихъ то кандидатовъ; губернаторъ исполнялъ приказъ министра. Выборное право для веденія

хозяйственныхъ дѣлъ земства, закономъ дарованное земству, попиралось по волѣ министра. Примѣръ неуваженія къ законности былъ данъ имъ. На призывъ правительства о помощи въ борьбѣ съ террористами, земства нѣкоторыхъ губерній высказали свои желанія; въ нихъ не было ничего республиканскаго, были скромныя желанія конституціи; земство хотѣло гарантій отъ чиновничьяго произвола, хотѣло чтобы законы, управляющіе жизнью милліоновъ не создавались по волѣ одного человѣка, выработанные чиновничьими коммиссіями, изъ которыхъ рѣдкій членъ имѣетъ какое нибудь понятіе о жизни русской и еще болѣе рѣдкій найдетъ въ себѣ мужество возразить противъ мѣры, проводимой министромъ, а еще менѣе — противъ одобренной свыше. Земство хотѣло свободы слова, уничтоженія административной ссылки, хотѣло гласности суда, неприкосновенности личности, права съѣзжаться для совѣщанія объ общихъ нуждахъ земствъ. Если въ настоящую минуту земство безмолвно подчиняется новымъ мѣрамъ, еще болѣе урѣзывающимъ права его, то это не рученательство въ рабскомъ подчиненіи будущихъ поколѣній, вскормленныхъ затаеннымъ недовольствомъ отцовъ. Не умеръ Богъ въ душѣ людей! Сознаніе человѣческаго достоинства, правды будетъ расти и явятся не рабы подневольные, безмолвные, потому что они безсильны, — но граждане. Сила отпора копится медленно въ ряду поколѣній и наконецъ скажется. Исторія другихъ странъ даетъ уроки.

Люди слова, люди науки озлоблены, потому что терпится только слово лжи, рабски славословящее, распинающееся доказать, будто все идетъ къ лучшему, которому само не вѣритъ; потому что нужна

не наука, а рабская маска ея, а передержка научныхъ фактовъ для оправданія чиновничьей анархіи. Молодежь озлобляется, озлобляется даже дѣти.

Вся система гонитъ въ станъ недовольныхъ, въ пропаганду революціи даже тѣхъ, кому противны кровь и насиліе. За неосторожное слово, за первый подпольный и часто взятый изъ одного любопытства листокъ, юноша, ребенокъ государственный преступникъ. Вывали 15 и даже 14 лѣтніе государственные преступники, сидѣвшіе въ одиночномъ заключеніи. Правительству 100 000,000 страшны даже дѣти. У насъ ссылаютъ на 12 и болѣе лѣтъ въ Восточную Сибирь и даже на каторгу за то, за что въ Австріи политическіе преступники отдѣлываются двухъ недѣльнымъ арестомъ при полиціи. Въ Австріи не было 1 марта. Изломанная, озлобленная молодежь уходитъ въ красные. Мнѣ кровь противна съ какой бы стороны ни лили ее, но когда за одну кровь даютъ ордена, а за другую веревку на шею, то понятно какая кровь имѣетъ для молодежи обаяніе геройства.

Рядомъ съ карами по приговору суда у насъ существуетъ еще полицейски-административныя: послѣдними правительство отдѣлывается отъ враговъ своихъ, когда нѣтъ достаточныхъ уликъ для первыхъ. Но что же это, какъ не безаконный произволъ? Человѣка губятъ не на основаніи выясненныхъ доказательствъ его дѣйствій, но на основаніи «внутренняго убѣжденія» чиновъ государственной полиціи; а убѣжденіе это складывается на перехваченномъ и произвольно истолкованномъ письмѣ, потому что законной уликой для суда оно не могло служить;—по доносамъ шпіоновъ, «мутномъ источникѣ», по признанію самихъ высшихъ чиновъ. Приказы административной ссылки фор-

мулированы такъ: хотя нѣтъ достаточныхъ уликъ для осужденія по суду N. N., но онъ или она сосланется туда-то. Эти шемякинскіе приговоры перейдутъ къ потомству: говорятъ, будто подъ ними стоитъ подпись Вашего Величества. Сколько гибнетъ жертвъ! Охранителямъ Вашимъ выгодно раздувать каждое дѣло: это доказательство усердія, приносящаго чины, оклады и крупныя суммы на секретные расходы, въ которыхъ отчетность невозможна. На суммы, поглощенныя такою системою охраны, можно бы было въ иномъ случаѣ основательно улучшить бытъ народа и отнять у революціонеровъ хоть одинъ поводъ упрекать правительство.

Политическіе преступники беззащитныя жертвы произвола, доходящаго до звѣрства. Самъ графъ Толстой ужаснулся бы, видя всю мѣру превышенія власти, грабежа и насилія, обрушивающуюся безнаказанно на несчастныхъ, когда изъ столицы отданъ приказъ о строгихъ мѣрахъ. Въ силу забѣганья каждаго низшаго чиновника передъ начальникомъ, желанія отличиться, паники быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ политическимъ, если дать волю состраданію, каждый тюремный смотритель, этапный офицеръ, каждый сторожъ можетъ безнаказанно грабить, звѣрски бить и истязать арестантовъ, даже женщинъ. Чѣмъ ниже падаетъ камень, тѣмъ болѣе растетъ сила удара, и каждая репрессивная мѣра, спускаясь все ниже и ниже по лѣстницѣ чиновничества, увеличиваетъ въ прогрессіи свою губящую силу и падаетъ на беззащитныя жертвы. Жалобы оказываются безплодными, и жертвы протестуютъ добровольной голодовкой или актомъ насилія, вызваннымъ часто припадкомъ сумасшествія. Всѣ мѣры устрашенія и исправленія, начиная административной ссылкой

и кончая висѣлицей и разстрѣливаніемъ, не достигаютъ цѣли. Является, конечно, извѣстный процентъ сломленныхъ и опозоренныхъ ссылкой, но люди эти внесутъ только разложеніе въ общество и опорой власти быть не могутъ. Число политическихъ преступниковъ будетъ расти съ временными колебаніями, расти потому что воображеніе молодежи свыкается съ ссылкой, съ казнями, расти потому что въ корнѣ государственнаго порядка и общественнаго строя лежатъ причины, рождающія политическія преступленія. Правительство, охраняющее себя безнравственными средствами административной ссылкой, сѣмами шпіоновъ, розгами, висѣлицей и кровью, — само учитъ революціонеровъ нашихъ принципу: «цѣль оправдываетъ средства». Тамъ, гдѣ гибнутъ тысячами жертвы произвола, гдѣ народъ безнаказанно грабятъ и засѣкаютъ, тамъ жгучее чувство жалости будетъ всегда поднимать мстителей.

Наконецъ, во имя чего, въ дѣйствительности принимаются всѣ мѣры стѣсненія и преслѣдованія? Во имя чего задавлено слово, уничтожена гласность суда, задавлена крохи самоуправленія и плодятся новыя власти во имя ли мирнаго развитія Россіи, улучшенія быта народа, просвѣщенія общества, или самодержавія дома Романовыхъ, т. е. въ сущности для усиленія власти чиновничества, этой современной опричины? Хотя и взяли измѣнили форму, принципъ тотъ же: съ одной стороны опричина, съ другой безгласная всенародная земщина. Злоупотребленія опричины сознавали сами цари: Александръ I, Николай I, Александръ II безплодно пытались искоренить ихъ. Впрочемъ всегда казнокрады подходили подъ манифесты, приносившіе политическимъ преступникамъ очень

жалкое облегченіе участи. Вы сами, Ваше Величество, окажетесь безсильнымъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями, если и осуществится учрежденіе суда, имѣющаго судить и министровъ: безсиліе неизбѣжно, потому что въ основѣ всѣхъ царскихъ мѣръ, лежитъ все то же безправіе, все та же безгласность общества.

Внутренняя политика Николая I стоила дорого Россіи. Реформы Вашего Величества отодвигаютъ Россію назадъ къ этой мрачной порѣ. Горькіе уроки крымской войны заставили Александра II въ концѣ 50 и началѣ 60 гг. измѣнить политику. Неужели нужны еще такіе же горькіе уроки, чтобы вывести наружу всю гнилость государственнаго порядка? Спасеніе только въ возвращеніи къ реформамъ отца Вашего и дальнѣйшемъ развитіи ихъ. Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраній, полная гласность суда, образованіе, широко открытое для всѣхъ способностей, отмѣна административнаго произвола, созваніе земскаго собора, къ которой всѣ сословія призвали бы своихъ выборныхъ—вотъ въ чемъ спасеніе.

Мѣра терпѣнія переполняется. Будущее страшно. Если до революціи, ниспровергающей монархію далеко, то очень возможны мѣстныя пугаченщины и вновь назначенное Вами земское начальство, которое еще лишнимъ бременемъ неудобоносимымъ ляжетъ на плечи сельскаго міра, сдѣлаетъ чтобы вызвать ихъ болѣе, чѣмъ могли бы то сдѣлать революціонеры наши. Народъ будетъ привыкать къ крови. Честные граждане съ ужасомъ предвидятъ бѣдствія, которыя, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, несетъ порядокъ причины всевластной надъ земщиной -и молчатъ, но дѣти и внуки ихъ молчать не будутъ.

Вы самодержавный царь, ограниченный законами, которые сами издаете и отмѣняете, ограниченный еще болѣе неисполняющимъ законы это чиновничествомъ, которое Вы сами назначаете. Одно слово Ваше—и въ Россіи переворотъ, который оставитъ свѣтлый слѣдъ въ исторіи. Если Вы захотите оставить мрачный, Вы не услышите проклятій потомства, ихъ услышатъ дѣти Ваши, и какое страшное наслѣдство передадите Вы имъ!

Вы, Ваше Величество, одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ міра; я рабочая единица въ сонмѣ милліоновъ, участь которыхъ вы держите въ своихъ рукахъ, и тѣмъ не менѣе я въ совѣсти своей глубоко сознаю свое нравственное право и свой долгъ русской сказать то, что сказала.

М. Цебрикова.

Письмо М. Цебриковой къ Дж. Кеннану.

Дорогой М-ръ Кеннанъ!

Это письмо дойдетъ до Васъ, когда я буду уже въ тюрьмѣ. Посылаю Вамъ экземпляръ моего письма къ императору и считаю нужнымъ объяснить мотивы, побудившіе меня написать его. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, предпочитающіе въ этомъ случаѣ почтку пули письму, называютъ мой поступокъ не нравственной аллеухой-абсолютизму, которую я имѣла въ виду, а трепаніемъ его по щекѣ. Меня всегда звали благоговѣрениой, потому что съ самаго времени Чернышевскаго и Михайлова я всегда была того мнѣнія что наши революціонныя попытки были дѣломъ геройскаго чувства, но не политической мудрости. Наше правительство, хотя и расшатанное нравственно, до сихъ поръ еще настолько политически сильно, что могло отвѣчать на каждую революціонную попытку реакціонными мѣрами, имѣвшими гибельныя послѣдствія для всей страны. Такъ было по крайней мѣрѣ послѣ 1862 года. Смерть Александра II привела къ безстыдному и безчеловѣчному правительству Александра III. Какъ его отецъ ни искалъ и ни отнималъ назадъ послѣ каждаго покушенія всего того, что самъ давалъ къ смыслѣ прогрессивныхъ реформъ, но,

я увѣрена, онъ никогда не былъ бы способенъ на введеніе у насъ такихъ мелкихъ тирановъ, какіе созданы теперь, благодаря покойному Толстому. Какъ ни малы были привилегіи міра, они теперь раздавлены. Я всегда глубоко чувствовала стыдъ человѣка, присутствующаго при всѣхъ безобразіяхъ торжествующаго зла и принужденнаго рабски молчать, а таково положеніе нашей литературы за ничтожными исключеніями. Вы не можете понимать, какъ мучительно писать съ цѣлями цензуры на вашемъ мозгу, и въ то же время видѣть напр. несчастный народъ и сознавать, что онъ будетъ еще несчастнѣе. Я много жила въ деревнѣ и знаю слишкомъ хорошо, насколько беззащитны будутъ крестьяне противъ этихъ новыхъ тирановъ. Величайшее горе русской жизни состоитъ въ томъ что героизмъ въ ней встрѣчается только среди революціонеровъ. Съ тѣхъ поръ какъ я состою рядовой въ нашей оппозиціонной литературѣ, уже больше 20 лѣтъ, я напрасно пыталась организовать среди нашей интеллигенціи адресъ императору въ смыслѣ такого «письма». Мнѣ всегда отвѣчали, что такой адресъ есть безумный шагъ, если только за нимъ не стоитъ цѣлая армія. Но для того чтобы создать такую армію въ будущемъ (и такомъ далекомъ будущемъ, котораго нашему поколѣнію, людей за 50 лѣтъ, навѣрно не придется увидѣть) необходимо сначала имѣть сильное политическое общественное мнѣніе. Я глубоко убѣждена, что такой адресъ оказалъ бы нравственное вліяніе на наше правительство. Доказательствомъ этому мнѣнію служитъ тотъ фактъ, что нашимъ крупнымъ талантамъ позволялось писать вещи, за которыя простые смертные подвергались преслѣдованію: лѣтъ 15 тому назадъ наше пра-

вительство до нѣкоторой степени стыдилось Европы. И я ровно ничего не могла сдѣлать: у нашей интеллигенціи не оказалось нравственнаго мужества.

Мое письмо къ императору будетъ разослано во всѣ органы нашей прессы, и я возвращаюсь домой, чтобы покориться своей участи, съ надеждой, что я показала примѣръ, которому послѣдуютъ. Когда я пыталась убѣждать нашу молодежъ не идти по пути крови и динамита, мнѣ отвѣчали: «Всѣ вы пишете то, что вамъ позволяютъ и берете за это деньги, вотъ и все!» Посѣщая друзей, заключенныхъ въ тюрьмахъ, я всегда чувствовала угрызенія совѣсти и спрашивала себя: «вотъ они страдаютъ, почему же я ничего не дѣлаю?» Друзья говорятъ мнѣ, что мой поступокъ — напрасное безразсудство, что я рѣшаюсь заплатить слишкомъ дорого за ничтожный результатъ. Но развѣ есть мѣры и вѣса для нравственнаго вліянія? Если бы у меня былъ талантъ Герцена, я осталась бы здѣсь и стала бы бороться, хотя и здѣсь эмиграція причиняла бы мнѣ постоянное страданіе. Жить можно только на своей собственной почвѣ и со своими людьми. Я убѣждена, что продолжай я еще въ теченіе 20 лѣтъ повторять по необходимости слабѣе и слабѣе то, что я уже сказала въ печати, моя робота никогда не могла бы оказать такого вліянія, какъ это письмо. Не честолюбивое желаніе играть роль заставляетъ меня дѣлать это. (Я упоминаю объ честолюбіи потому, что друзья старавшіеся отговорить меня, приводили этотъ доводъ, что мой поступокъ будетъ перетолкованъ въ смыслѣ подвига Эрострата.) Мои личные мотивы — это право раба протестовать; но конечно однихъ личныхъ

мотивовъ было бы недостаточно; это походило бы на того японца, который всаживаетъ себѣ въ животъ саблю, чтобы избѣжать безчестья. Я глубоко сознаю свой долгъ русскому народу. Мы, люди привиллегированныхъ классовъ, пользуемся привиллегіями потому, что онъ терпитъ лишенія, и я плачу ему свой долгъ. Мнѣ говорятъ, что я должна копить свою энергію для того дня, когда нашъ народъ призоветъ революціонную партію; многіе изъ здѣшнихъ эмигрантовъ живутъ этимъ счастливымъ самообольщеніемъ. Никакая революція невозможна въ Россіи, и не будетъ возможна еще много лѣтъ и десятковъ лѣтъ. И я прямо говорю — я боюсь революціи, боюсь крови. Я могу умереть, но не помогать смерти. Если бы нашимъ краснымъ удалось какимъ нибудь чудомъ вызвать революцію, я конечно пошла и умерла бы въ ихъ рядахъ, стараясь уменьшить ея зло. Наше правительство дѣлаетъ для вызыванія ея гораздо больше, чѣмъ могутъ сдѣлать всѣ наши красные вмѣстѣ. Извѣстно ли Вамъ, что Стефановичъ въ своей пропагандѣ въ Малороссіи пользовался именемъ императора, называя себя царскимъ эмиссаромъ, который хочетъ, чтобы народъ помогъ ему противъ чиновниковъ и дворянства? — Надѣюсь, Вы поймете мои мотивы — они русскіе.

По всей вѣроятности это письмо будетъ послѣднимъ, которое Вы получите отъ меня, и я кончаю его съ чувствомъ глубокой и искренней благодарности за все то, что Вы сдѣлали для нашихъ сибирскихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ Сибири.

Марія Цебрикова.

16-го января 1890 г.

DEUTSCHLAND.

Berlin. — Behr's Buchhandlung.

Leipzig. — 1) Kasprowicz, Buchhandlung. — 2) "Literarische Anstalt" August Schulze.

Wiesbaden. — Birlenbach, Buchhandlung.

FRANCE.

Paris. — 1) Neal's Library, 248, rue de Rivoli. — 2) Librairie Boyveau et Chevillet 22, rue de la Banque. — 3) F. Vieweg, rue Richelieu, 67.

Nice. — 1)Librairie Ardoin, 29, Avenue de la Gare.— 2) Librairie Visconti, 2, Rue du Cours.

ŒSTERREICH.

Wien. — August Schulze, I. Franzensring, 16.

GALICIJA.

Lemberg — Редакція «Народ.», ul. Sokola, 1.

SUISSE.

Lausanne. — Bibliothèque Brocher.

Montreux — Librairie Benda.

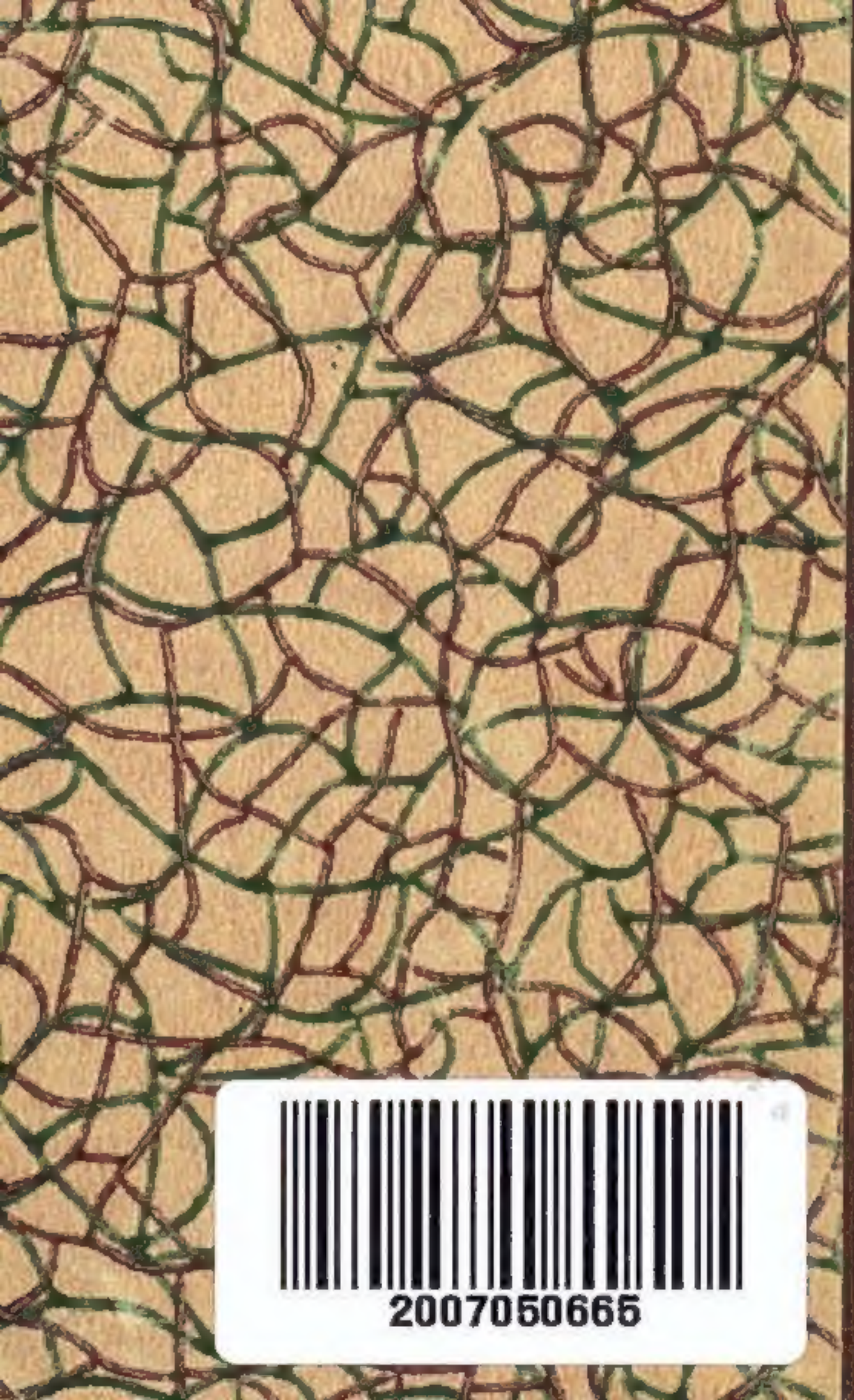
Genève. — 1) H. Stapelmohr, Librairie, 24, rue de la Corraterie. — 2) H. Georg, Librairie.

Zurich. — 1) C. Schmidt, 3, Post Str. — 2) Centralbahnhof. 3) Speidel, Buchhandlung, Tamengasse.

Vevey. — Librairie Benda.

CEYLON.

Colombo. — Apothecaries Co., Ltd.



2007050665